

Яна Желток

Три истории

Женя в январе

Патриархи сидят за столами с сынами и сынами сынов и сыновних сынов сынами.

Уолт Уитмен

Женя позвонил в десять утра, когда мы еще спали. Он сказал, что хочет поздравить нас с Новым годом и поэтому придет через час. Мы начали выковыриваться из кровати. Мне нравится выражение «выковыриваться откуда-то», потому что оно точно описывает процесс, когда что-то откуда-то вынимают с трудом, возможно при помощи инструментов, и то, что вынимают, выходит на поверхность уже не такое, каким было прежде, а слегка деформированное. Может быть, даже искривленное. Пока все выковыривались, я спала дальше и проснулась без двух минут «время X» с мыслью о том, что если Женя сказал «через час», значит, он будет совершенно точно ровно через час.

Через две минуты я услышала приятный голос Жени. Он поздоровался медленно и церемонно. Поздравил проснувшихся с Новым годом и стал выкладывать подарки. «Какой гигантский бублик!» – закричал кто-то из детей. Когда я вышла, то увидела, что Женя принес еще цветные камушки, шоколад, пластилин, карандаши, фломастеры, альбомы, тетрадь с яхтой на обложке и что-то еще и еще.

– Здравствуйте, Яна, – сказал Женя, и повернул седую свою и слегка поблескивающую яйцевидную голову в мою сторону. Я поняла, что вертеть головой Жене не так-то просто, хоть он

и старается. Женя, как всегда, был в отличном настроении, с широкой улыбкой. Аккуратно облачен в пиджак и темные брюки. Он как раз уже закончил с новостями из жизни родственников и теперь перешел к теме влияния искусства на жизнь.

– Только вчера услышала про синдром Стендаля*, – сказала я, – это зависимость от живописи и всякой красоты!

* Текст из Википедии: Синдром Стендаля – психическое расстройство, характеризующееся частым сердцебиением, головокружением и галлюцинациями. Данная симптоматика проявляется, когда человек находится под воздействием произведений искусства, поэтому нередко синдром возникает в месте их сосредоточения – музеях, картинных галереях. Симптомы могут вызвать не только предметы искусства, но и чрезмерная красота природы: природных явлений, животных, невероятно красивых мужчин или женщин.

Происхождение

Синдром получил название по имени французского писателя XIX века Стендаля, описавшего в книге «Неаполь и Флоренция: путешествие из Милана в Реджио» свои ощущения во время визита в 1817 году во Флоренцию:

«Когда я выходил из церкви Святого Креста, у меня забилося сердце, мне показалось, что иссяк источник жизни, я шел, боясь рухнуть на землю...

Я видел шедевры искусства, порожденные энергией страсти, после чего все стало бессмысленным, маленьким, ограниченным, так, когда ветер страстей перестает надувать паруса, которые толкают вперед человеческую душу, тогда она становится лишенной страстей, а значит, пороков и добродетелей.

Симптомы

Несмотря на множество описаний приступов у людей, посещавших флорентийскую галерею Уффици, синдром был описан только в 1979 году итальянским психиатром Грациэллой Магерини, которая исследовала и описала свыше 100 одинаковых случаев среди туристов во Флоренции. В одноименной книге она классифицировала случаи болезни по их происхождению:

- туристы из Северной Америки и Азии не подвержены этому синдрому, поскольку это не связано с их культурой;
- итальянские туристы также имеют иммунитет, поскольку находятся в этой атмосфере с самого рождения;
- среди остальных туристов наиболее подвержены ему одинокие люди с классическим или религиозным образованием, вне зависимости от их половой принадлежности.

Впервые диагноз был поставлен в 1982 году. Чаще всего кризис наступает во время визита в один из 50 музеев Флоренции, колыбели Ренессанса. Внезапно посетитель оказывается поражен глубиной чувств, которые художник вложил в свое произведение. При этом он необычайно остро воспринимает все эмоции, как бы переносясь в пространство изображения. Реакции жертв

– О, синдром Стендаля! – сказал Женя. – Это когда начинает колотиться сердце при виде чего-то прекрасного, и слезы брызжут из глаз. Ведь со мной такое было. Во Флоренции! Яна, вы были во Флоренции?

– Я не была, но слышала, что там очень узкие и темные улочки, высокие дома, они давят на идущих и подавляют. Некоторым становится плохо во Флоренции.

– Да, действительно узкие темные улочки. Мы шли там всей нашей группой в сорок человек. Причем вся группа шла сзади, а я подбежал к экскурсоводу, чтобы узнать то, что интересно именно мне. Я спрашивал ее о том, готовит ли она дома, есть ли у нее дети и учатся ли они в университете, и сколько это все стоит. Мне это ужасно интересно!

Я подумала, чтобы узнать, как живется за границей, не обязательно куда-то уезжать – достаточно поговорить с одним из иностранцев, которых довольно много в нашем городе. Особенно летом.

Женя продолжал:

– Это была русская дама, много лет назад она осталась жить в Италии. Такая немолодая, некрасивая и даже неопрятная женщина. Она предупредила нас, что у нас может случиться синдром Стендаля. Правда, не объяснила, что это такое. Только потом я сходил в библиотеку, прочел о Стендале, прочел книгу его путевых заметок и все понял. Так вот она мне рассказывает все это, мы идем узкой улочкой, за нами группа. И вдруг площадь. А на ней храм. Храм мраморный и зеленый! То есть мрамор с зелеными прожилками! Такое чудо. И тут слезы прямо брызнули у меня из глаз! Вот так!

Дети опустили только что подаренные альбомы, фломастеры и пластилин в надежде увидеть, как брызнут слезы у Жени. Женя сидел, слегка открыв улыбающийся рот, держа паузу и наслаждаясь эффектом. Через миг он вернулся во Флоренцию:

синдрома различны, вплоть до истерии или попыток разрушить картину. Несмотря на относительную редкость синдрома, охранников музеев Флоренции учат, как вести себя с жертвами синдрома. Термин часто используется для описания реакции слушателей на музыку периода романтизма.

– Я не мог дальше идти! Я остановился. Я прислонился к стене. Вся группа прошла мимо меня, и я не знал, где они, и меня больше не интересовало, куда они пошли. На этом месте я сделал замечательный снимок площади и храма... А с вами случилось что-то подобное? – спросил Женя.

Мы вспомнили про нас, но это, конечно, не было так эффектно.

– Куда вы собираетесь в следующую поездку, Яна? – спросил Женя.

– Пока никуда, а вы?

– Хочу съездить в Лондон и на этом закончить с путешествиями, – сказал Женя. – Так, ребята, мне пора, буду собираться...

– Ты домой? – спросил кто-то из мальчишек.

– Да, у меня очень много дел! У меня масса дел. Столько, что и не переделать. Я иногда даже составляю план!

И тут Женя рассказал еще одну историю.

– Когда я окончил институт, меня отправили в другой город по распределению. Я приехал, пришел за завод, все очень обрадовались, вышли знакомиться. Меня спросили:

– Как вас зовут?

Я сказал:

– Евгений Валентинович!

Начальник объявил:

– Так, к нам на практику приехал новый инженер – Евгений Валентинович!

И все стали звать меня по имени-отчеству. И было мне тогда 22 года! Мне очень нравилось, что меня так зовут. Яна, вам уже есть 22 года? – спросил Женя.

Женя, конечно, знает, сколько мне лет, ведь мы давно знакомы. Но я поддержала игру.

– Конечно, есть. Мне уже 25!

Женя продолжил:

– Мне показали мое место. Теперь у меня был свой стол. Еще были ручки, бумага и счета. Я сел за стол. Но что делать – мне не сказали. Я просидел день. Просидел еще полдня. А потом пошел к начальнику. О, у меня был замечательный начальник. Мне очень повезло в жизни, я счастливый человек! Начальник был прекрасным человеком и очень старым. 50 лет. Я спросил:

– Так что же я должен делать?

Начальник сказал:

– Евгений Валентинович, вы же инженер?

– Да, инженер, – подтвердил я.

– Так вот задача инженера – находить себе работу и делать ее.

С тех пор я сам ищу себе работу и делаю ее. Мне уже намного больше, чем 50, а дел только прибавляется. Сейчас передо мной просто уйма задач, поэтому я еду!

Женя поднялся бодро, но не очень легко. Его движения были несколько деревянными, но он справлялся. Женя надел свое темное пальто, накинул шарф. Наклонился за портфелем. И еще раз широко улыбнулся. Пожелал взрослым быть здоровыми. Детям посоветовал заполучить как можно больше хороших отметок, заметив, между прочим, что если хороших отметок будет мало, зато плохих окажется много, то потом уже во взрослом возрасте придется толкать по Привозу тележку с помидорами для крестьянок. Кошкам Женя пожелал много еды, не выдвинув при этом дополнительных условий. Женя еще раз поздравил нас с Новым годом и отправился вперед – решать важные вопросы, делать январские дела.

Летняя история про кошку

Расслабоня – очень хозяйственная кошка.

Смотрит исподлобья и слегка морщит свой коричневый лобик.

Вечно как будто занята и все время убегает с рук, при этом пузо ее туго набито котятами.

Лицо у нее всегда озадаченное и скорбное.

Будто бы она упрекает в чем-то хозяев. Наверное, в том, что они ее мало кормят. И котят тоже кормят мало и отвратительно. Такой у нее вид.

Расслабоня показывает другим мамашам мастер-класс: как надо спрятать котят, чтобы хозяева не нашли и не потопили. Она уносит котят туда, где людям их никогда не найти! И выводит их на Божий свет, когда у котят уже выросли бороды. Настоящая

активистка профсоюзного движения Расслабоня рождает за раз не меньше четырех.

Эта кошка первыми к еде подпускает своих детей, только потому ест сама.

Если она вдруг недосчиталась кого-то из котят – бегают по саду и громко мяучит. И, конечно, именно это нудное существо в своей туманной юности пробежало несколько километров, когда наш приятель решил ее забрать и унес в закрытой на молнию черной сумке. Сбежала в тот же вечер, на третий день вернулась домой.

История кошки и ее имени – Расслабоня – возвращает меня к ярким денькам одного одесского лета, когда к нам в гости на дачу приехали две крепенькие и стройные девушки одного роста – Оля и Настя. Одна была совсем худенькая – это Оля. А другая поплотней, и все время читала – это Настя. И было довольно сложно догадаться, что перед нами мать и дочь. Та, что худенькая Оля, – мама. Та, что все время читает, – ее дочь Настя. Девушки из Москвы вместе готовили и всех нас кормили вкусными салатами, супами, котлетками и рыбой. Каждое утро они шли на пляж, каждый вечер в музей. И обе они кошек обожали. Настя часто беседовала о двух серых котятках, которые только что народились, со старшим из наших детей, ему было семь. Котята получились самые обыкновенные – серые, а местами желтые – брат и сестра. И все равно они притягивали детей как необыкновенные сокровища! Наш сын придумал им полные имена – Расслабоня и Собирон. А Настя сократила их до Боня и Роня.

Однажды Оля и Настя захотели прокатиться на яхте. Я позвонила нашему приятелю – капитану небольшой такой, но резвой яхточки. Строго говоря, это была не совсем яхта, а моторная лодка, мы назвали ее и лодкой, и кораблем, и моторкой. Капитан согласился прокатать Олю, Настю и меня. И прямо завтра! Только никаких маленьких детей! И из мужчин лишь он – капитан корабля. Еще капитан прибавил, что лодка его, вообще-то, очень маленькая – всего семь метров, и чтобы она не шла с поднятой передней частью, чтобы правильно ее сбалансировать, он посадит московских девушек Олю и Настю на нос корабля. Оля и Настя были счастливы и, конечно, сразу согласились сидеть на носу.

И вот ярчайшее утро, и мы отчаливаем из яхт-клуба. Тыр-тыр-тыр – говорит мотор лодки. А дальше мы несемся мимо монастыря, мыса Большой Фонтан, Аркадии, Дельфина, Ланжерона, мимо порта.

Лодка мчится по волнам, лодка подпрыгивает. Оля и Настя сидят на носу, схватившись за длинный стальной поручень. Подлетают на волнах и каждый раз, приземляясь, со страшной силой ударяются попами о белоснежный нос яхты! Особенно сильно ударяется Оля, потому что, в отличие от крепкой и правильной попы Насти, Олина попа довольно костлявая.

Потом мы делаем остановку. Лопаем арбузы. Плаваем в открытом море вокруг лодки. Наш капитан рассказывает, что бывшие жены, актуальные подруги и дети не любят кататься на его плавсредстве. И когда попадают сюда – явно скучают, мучаются, перегреваются на солнце и жалуются на невыносимый запах бензина. Здесь Оля с Настей рассыпаются в комплиментах, говоря, что запах бензина – их самый любимый запах на свете. А сегодняшний день – самый лучший день за все время в Одессе.

И снова мы едем, теперь не очень быстро, и слушаем переговоры больших судов. Добираемся до дальних одесских берегов и мчимся обратно в яхт-клуб. Солнце садится. Оля и Настя подскакивают на носу. Теперь они подложили под себя откуда-то взявшиеся подушечки.

Я вижу капитана в лучах заходящего оранжевого солнца. Серьезный профиль, черные очки, белые капитанские одежды. Прогулка еще не закончилась, но уже грустно. И все мы немного влюблены в щедрого капитана с его быстрой яхтой.

Потом уже в конце августа, выискивая мой лучший день лета, я понимаю, что это и был тот день в море.

Мы возвращаемся домой, Настя бросается к двум серо-желтым колбаскам по имени Боня и Роня, а вернувшись к нам, сообщает, что у Бони-Расслабони открылся один глаз! В тот же момент Настя превращается во взрослого человека и спешит к маме готовить большой праздничный ужин.

Оля страдала из-за отбитой попы два дня. Школьница Настя проснулась на следующий день как новенькая.

Прошло несколько лет. Настя окончила школу и сразу поступила в МГУ. Оля устроилась на новую работу. А капитан, наоборот, работу потерял. Из-за чего первым делом продал яхту, потом машину, кофемашину и даже велосипед... Он перестал быть рулевым и капитаном.

Крошечный колбаскообразный Рон, он же Собирон, быстро вырос и превратился в длиннущего крайне наглого серо-полосатого с подпалинами кота Собирона. Потом он ушел куда-то, исчез в неизвестном направлении. С котами такое случается.

Все хочу понять, зачем людям кошки – бесцеремонные ленивые неблагодарные создания. Может быть, думаю я, кошки нужны людям, чтобы связывать с ними воспоминания? Из двух кошачьих героев истории осталась только Расслабоня с укором исподлобья и рюкзаком котят на животе. Зато история ее появления на свет соединилась у меня в памяти с воспоминанием о лучшем дне лета...

Одесса – это рай! Две остановки – и Привоз, или Как Соломончик потерялся

Недавно Маринина тетя выдала такую фразу: «Одесса – это рай, две остановки на трамвае – и Привоз».

– Сейчас я расскажу тебе, Мариночка, как покупать, – начинает свой монолог тетя Рая, – во-первых, сразу ничего покупать не надо. Надо пройти Привоз насквозь и прицениться. Потом пройти в противоположном направлении и только тогда начинать делать покупки. Причем идти надо от одного знакомого торговца к другому. То есть зигзагообразно, – смеется маленькая энергичная тетя Рая.

Марина уже знает, что у каждой покупательницы Привоза обязательно есть свой продавец, то есть хороший знакомый. Не перекупщик, который подсунет черти что. По-русски звучит не совсем правильно, но называется это только так: «свой продавец на мясе», «свой продавец на молоке» и еще хорошо, когда есть «свой продавец на зелени».

– А сейчас я тебе расскажу, как торговаться! – продолжает тетя Рая, – ты ж наверняка торговаться совсем не умеешь! Надо найти

крестьянку с кучкой чего-то и спросить: «Женщина, вы это почему продавали?». «Продавали» в прошедшем времени, потому что кучка чего-то у торговки должна быть последняя.

– Так почему?

Она ответит, например:

– По двенадцать.

– Я могу взять у вас всю кучу по шесть!

Ведь ей уже хочется скорее продать и уехать домой. Так одной фразой ты сбиваешь цену ровно в два раза! – восклицает тетя Рая.

Марина на Привоз не ходит, потому что живет далеко. Но тетю свою слушает внимательно. У Марины есть корыстный интерес – она надеется отправить в гости к бабушке Рае своего пятилетнего сынишку Соломончика. На пару дней.

Здесь начинается наша история.

Август. Знойно. Плюс тридцать пять в тени. Пятилетний Соломончик отправился в гости к бабушке Рае. На пару дней. И вот же совпало, что именно в этот день бабушке звонит молочница с Привоза и говорит, что специально для нее сегодня из деревни прибыли «яички»! Товар на Привозе, значит, надо собираться. Август. Тридцать пять градусов. Привоз. Но бабушке Соломона подобные трудности не помеха!

Бабушка Рая надевает на Соломончика красивейшую в красную клеточку рубашку, они садятся в трамвай и катят на Привоз.

Тут надо сказать, что Соломон наш мастер теряться.

За пару дней до Привоза он исчез на пляже. Спасатели – молодые парни с громкоговорителями – нашли его в тридцати метрах от места, где Марина с сыном расположились вначале.

– Зачем ты убежал? – спросила Марина. – Что ты делал?

– Я еще раз искупался, – ответил он серьезно, – потом занимался йогой. Напрасно вы меня нашли, ведь я решил, что буду сам.

Знакомый научил его «заниматься йогой» – то есть сидеть с ровной спиной и закрытыми глазами в позе лотоса.

– Ты испугался? – спросила Марина.

– Нет, я очень хорошо провел время! – ответил сыночек. Тут Марина поняла, что больше не хочет ходить с ним на пляж. Пора отправлять к бабушке.

Продолжение истории.

И вот бабушка с внуком входят на Привоз с главного входа – то есть оказываются в месте, которое и тем, кто в Индии бывал, и тем, кто там не был, напоминает «Мейн Базар» в центре Дели – самый шумный рынок азиатской столицы.

Рая начинает прицениваться:

– Почем у вас?

Торговка отвечает:

– По восемь.

Бабушка оглядывается – Соломона рядом нет!

А он побежал-побежал дальше вместе с толпой мимо киосков, контейнерных рядов и фургончиков, пока в одном узком месте ему не загородил дорогу огромный человек с серым лицом в длинном платье и с венком на голове.

– Как тебя зовут? – спросил Гигант.

– Соломон, – ответил малыш.

– А я Дюк, – сказал человек и тут же куда-то исчез.

Соломончик испугался гиганта и больше не хотел бежать.

Сразу же симпатичного белобрысого одетого в отглаженную клетчатую рубашку Соломончика окружили энергичные старушки:

– Ты чей, мальчик? – спросили они. – Ты с кем пришел на Привоз?

– С бабушкой Раей, – ответил Соломончик. Он уже плакал.

Понятно, я тоже начинаю плакать, когда собираются вместе две – не дай Бог больше – энергичные дамочки с Привоза.

– Если он пришел с бабушкой Раей, – сказала самая активная из дам, – мы должны ее позвать! Давайте вместе дружно на раз-два-три крикнем: «Бабушка Рая!».

«Бабушка Рая» прогремело над Привозом, и Рая, которая бежала вокруг молочного корпуса, помчалась в сторону мясного, где и обнаружила драгоценного отпрыска.

Успех мобилизации покупательниц мясного корпуса оказался стопроцентным и практически молниеносным.

Тетушки и старушки были счастливы, бабушка Рая, конечно, тоже. Соломончик сразу перестал плакать и просиял.

Бабушка Рая крепко схватила ручку Соломончика и решила ни при каких обстоятельствах ее не выпускать.

- Кто такой Дюк? – спросил Соломончик.
- Это значит князь или герцог, – ответила Рая, – а что?
- Меня остановил человек в сером платье с серым лицом и бумажной трубочкой в руке и сказал, что он Дюк!
- Это сумасшедший какой-то, тут их много, – ответила старушка.
- Взявшись за руки, бабушка и внук двинулись через Привоз. Зигзагообразно.

